

DOI 10.54770/20729316-2022-4-251

Н.П. Дворцова (Тюмень)

УРАЛ МИХАИЛА ПРИШВИНА: КЛАДОВАЯ СВЕТА, НОВОЕ ДЕЛО И ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Аннотация. В статье впервые осмысляются история, динамика, структура, мотивы и смыслы уральского текста М.М. Пришвина, возникшего в результате его путешествий на Урал в 1889, 1909, 1931 гг. и приобретшего особую актуальность в 2010-е гг. в результате открытия наследия Пришвина-фотографа и публикации полной, восемнадцатитомной, версии его Дневников (1905–1954). Методология исследования носит интегративный характер и сочетает в себе опыт геопоэтики и антропологии путешествий. Выявлены основные положения концепции путешествия в Дневниках писателя, связь путешествия как факта биографии и литературы. Реконструирована история уральского текста Пришвина от «Путешествия из Павлодара в Каркаралинск (Сибирского дневника)» (1909); «Заворошки» (1913), «Кашеевой цепи» (1922–1928, 1954) к Дневникам 1931 г. и очерку «Урал» («Золотой Рог», 1934). Показана связь уральского и сибирского текстов Пришвина, раскрыто своеобразие уральского текста, проявляющееся в его функции, структуре, мотивах. Путешествия 1889 и 1909 гг. были для Пришвина испытанием русской мечты «попытать счастья на новых местах», результатом чего стало его открытие Урала как особого природного и геокультурного пространства. В 1931 г. Пришвин увидит на Урале трагическое противостояние двух миров и пространств: богатейшей природной жизни (мотивы зверей, камней, «кладовой света и вечной радости человека») и социалистического строительства, «нового дела» большевиков (Вавилонской башни).

Ключевые слова: М.М. Пришвин; путешествие; уральский текст; сибирский текст; геопоэтика.

N.P. Dvortsova (Tyumen)

The Ural Mountains of Mikhail Prishvin: The Sun's Storeroom, A New Business and the Tower of Babel

Abstract. This article aims to provide insights into the history, dynamics, structure, motives and meanings of the Ural text by M.M. Prishvin, which resulted from his journeys to the Ural mountains in 1889, 1909, and 1931. This text acquired particular relevance in the 2010s due to the discovery of Prishvin's legacy as a photographer and author of the eighteen volumes of Diaries (1905–1954). The integrative research methodology combines the experience of geopoetics and travel anthropology to identify the main provisions of the theory of travel in the writer's Diaries where a journey is treated as both a biographical and literary fact. I reconstruct the history of Prishvin's Ural text from "The Journey from Pavlodar to Karkaralinsk (Siberian Diary)" (1909); "Zavoroshki" (1913), and "Kashcheeva tsep'" (1922–1928, 1954) to the Diaries of 1931 and the

essay “Ural” (“Zolotoy Rog”, 1934). In spite of a connection between Prishvin’s Ural and Siberian texts, the originality of the Ural text is manifested in its function, structure, and motives. Prishvin’s journeys in 1889 and 1909 were his own test of the Russian dream of “trying one’s luck in new places”, which resulted in his discovery of the Urals as a special environmental and geocultural space. In 1931, Prishvin observed tragic confrontation between the two Ural worlds and spaces: the richness in natural resources (the motifs of animals, stones, “the sun’s storeroom and eternal joy of man”) and building socialism, the “new business” of the Bolsheviks (the Tower of Babel).

Key words: M.M. Prishvin; travel; the Ural text; the Siberian text; geopoetics.

К постановке проблемы

Жизнь и творчество Пришвина во многом определяются темой пути (тропы – общей, человеческой, большой и малой; дороги – осударевой и народной). «Жизнь наша едина, она есть путь», – писал он в Дневнике 1951 г. [Пришвин 2016, 585], утверждая при этом, что «человек – это строитель пути» [Пришвин 2013, 130]. Закономерно поэтому, что как бы ни толковали критики, литературоведы и читатели феномен Пришвина (певец природы, асоциальный писатель, философ, писатель-фотограф и т.п.), все они так или иначе видят в нем писателя-путешественника.

О Пришвине-путешественнике пишут мемуаристы [Воспоминания о Михаиле Пришвине 1991]. Исследователи традиционно осмысляют эту тему с биографической [Пришвина 1984; Варламов 2003] и краеведческой [Пахомова 1960] точек зрения. В последние десятилетия в литературоведении появились новые подходы к ее изучению, связанные прежде всего с мифопоэтикой, геопоэтикой, анализом локальных текстов литературы.

Такие аспекты темы, как мифологема пути, феномен и мотив странствий, философия пространства, исследуются в русле елецкой школы пришвиноведения [Борисова 2001; Лишова 2021; Логвиненко 2021]. Новые культурологические перспективы открывает изучение религиозно-философского контекста темы / мифологема пути в творчестве Пришвина [Визгин 2016; Кнорре 2019]. Особую актуальность в последние годы приобрел геокультурный подход к теме [Худенко 2017; Трубицина 2019]. Пришвин-путешественник осмысливается, кроме того, в контексте проблемы культурного брендинга территории и туризма [Тюменский период в жизни Михаила Пришвина].

Статья посвящена динамике, структуре и смыслам уральского текста Пришвина, возникшего в результате его путешествий на Урал (1889, 1909, 1931). Текст этот до недавнего времени был малоизвестным, однако в XXI в. он приобрел особую актуальность и фактически был заново открыт в связи с популяризацией наследия Пришвина-фотографа и публикацией полной, восемнадцатитомной версии его Дневников (1905–1954). Причиной новой актуальности уральских путешествий Пришвина является, в частности, факт, о котором пишет публикатор Дневников писателя Л.А. Рязанова: «С 2010 года издание в финансовом и информационном

плане неизменно поддерживал Президентский Центр Б.Н. Ельцина» [Рязанова 2017, 4]. Следствием этого стало открытие в Екатеринбурге трех выставок фотографий писателя, неизменно сопровождающихся фрагментами из Дневников и ставших событиями в культурной жизни уральской столицы: «Строится невидимый град и растет...» (музей «Литературная жизнь Урала XX века», 2015); «Михаил Пришвин. Фотографии и дневники. 1928–1936» (Арт-галерея Ельцин Центра, 2017); «Творческая командировка» (музей «Литературная жизнь Урала XX века», 2021–2022).

Исследование уральского текста Пришвина осуществляется на основе интегративного подхода, включающего в себя опыт антропологии путешествий [Головнев 2016] и геопоэтики как работы с ландшафтно-географическими образами, мотивами, мифами [Сид 2017; Абашев 2000; Замятин 2003].

Путешествие как факт биографии и литературы

Особое «чувство дали», присущее Пришвину, заставляло его гимназистом бежать в Америку (1884), студентом Рижского политехникума идти в марксисты (1890-е гг.), а затем в агрономы (1900–1905), в писатели (1906), причем становиться «писателем-бродягой» и путешественником. В Дневнике 1920 г. он пишет о путешествиях как об особой радости и счастье русского человека, дарованных ему огромными пространствами России: «Из чего складывается счастье русского, первое, что можно куда-то уйти-уехать постранствовать, куда-нибудь в Соловецкий монастырь, или в Киевские печуры Богу помолиться, или в Сибирь на охоту, или в просторы степные так походить – это тяга к пространству Руси необъятному» [Пришвин 1995, 23].

Странствия и поездки – то, что объединяет жизнь и творчество Пришвина, писателя Серебряного века и советского периода. В путешествия писатель отправляется с завидной регулярностью. До Первой мировой войны и революции это поездки на Кавказ (1894), в Германию и Францию (1900–1902), в Олонецкую губернию (1906), в Карелию и Норвегию (1907), в Керженские леса, к Светлому озеру, граду Китежу (1908), в Сибирь (1909), в Крым (1913). Все главные произведения Пришвина Серебряного века создавались на основе путешествий: «В краю непуганых птиц» (1907), «За волшебным колобком (1908), «У стен града невидимого» (1909), «Черный араб» (1910), «Славны бубны» (1913), «Заворошка» (1913).

Этот факт определяет их поэтику. В основе произведений – сюжет пути в неведомую идеальную страну, принимающую самые разные облики: края непуганых птиц, страны без имени и территории, града Китежа, Арка(дии), а позднее – Журавлиной родины, Берендеева царства и др. Путешествия Пришвина, таким образом, – это факты его биографии, у которых есть художественная, а нередко еще дневниковая и, прежде всего в советское время, фото-версия.

В Дневниках Пришвина складывается особая концепция путешествия. Прежде всего он ценит путешествия за возможность чувствовать себя в дороге «в руках Божьих, а не человеческих» [Пришвин 2006, 292]. Путешествие как особое поведение, писательское и человеческое, это, по словам Пришвина, пост на все привычное [Пришвин 2007, 519], разрыв связей с ним, когда восстанавливается подлинная, глубинная целостность жизни и полнота связей человека с миром. В результате путешествие становится для Пришвина и способом «узнать свою родину» [Пришвин 1994, 300], и проверкой своих сил, «явлением личности» [Пришвин 2013, 340].

Урал и сибирский текст Пришвина

Поездка на Урал в 1931 г. (23 января – 23 февраля) была первым путешествием Пришвина в советское время. С этой точки зрения она является ключевой для понимания всех, включая и пять других (на Дальний Восток, 1931; на Беломорканал, Соловки и Хибинь, 1933; на Пинегу, 1935; в Кабардино-Балкарию, 1936; в Костромской край, 1938), путешествий Пришвина – советского писателя.

Прежде всего важен тот факт, что поездка на Урал была командировкой Пришвина от журнала «Наши достижения». «Деньги получены от “Достижений” и 23-го (в пятницу) мы едем в Свердловск искать достижения» [Пришвин 2006, 322], – записывает он в Дневнике. Пришвин был свидетелем и очевидцем событий, предшествовавших рождению журнала, основанного А.М. Горьким, что зафиксировано в его Дневниках 1928 г. Приезд Горького в СССР в 1928 г., в год его шестидесятилетнего юбилея, Пришвин воспринял сначала как нечто «вроде ухода Толстого», позднее историю с журналом оценил как авантюру и резко негативно воспринял саму идею издания: «“Наши достижения” – называется предполагаемый журнал Горького. Думаю, что наши достижения состоят главным образом в Гепеу. Это учреждение у нас единственно серьезное и в стихийном движении своем содержит нашу государственность всю, в настоящем, прошлом и будущем» [Пришвин 2004, 57, 71, 316].

Название журнала Пришвин считает неудачным. «По правде говоря, – пишет он, – видимых достижений (не говорю о “видимости”) у нас никаких нет (едва ли много, чтобы о них писать шесть раз в год)». Кроме того, название журнала, с его точки зрения, «у массового читателя вызывает представление “казенного оптимизма”». «Нас всех замучило радио ежедневным выкрикиванием “наш рост!”, к этому присоединяются теперь: “наши достижения”. Кто поручится, что журнал не будет лучше радио – органом казенного оптимизма?» [Пришвин 2004, 129].

Соглашаясь с идеей Горького о том, что журнал будет «критиковать действительность, имея отправную точку «достижений», Пришвин тем не менее предлагает другое название издания – «Новое дело», по аналогии с «Общим делом» Н.Ф. Федорова, аргументируя это тем, что «массы надо питать не «достижениями», а счастьем, которым сопровождается всякий

творческий труд». «Предлагаю выбрать имя, означающее тот момент творческого труда, когда личность забывает свои лишения в радости общего дела», – пишет Пришвин, подчеркивая при этом, что «наши возможные достижения могут быть учтены только в перспективе общего дела» [Пришвин 2004, 130].

Поездка на Урал в 1931 г. станет испытанием идей Пришвина о «новом деле» советской литературы и, главное, его представлений о том, что происходит в стране в эпоху сталинской индустриализации и великих строек социализма.

В 1931 г. Пришвин оказался на Урале уже в третий раз, причем это была поездка, во время которой знакомство с Уралом было его главной и единственной целью. В трех других случаях целью путешествия писателя была Сибирь. Впервые Пришвин познакомился с Уралом в 1889 г., когда вместе со своим дядей И.И. Игнатовым, крупным сибирским пароходо-ладельцем, ехал в Тюмень, чтобы после исключения из Елецкой классической гимназии начать учиться в Александровском реальном училище. Эта история, как известно, воссоздана в романе Пришвина «Кашеева цепь» (1922–1928, 1954).

Подлинным открытием Урала и Сибири, как об этом свидетельствует «Сибирский дневник», стало для Пришвина его путешествие 1909 г., когда он поехал в заиртышские степи изучать переселенческое дело и последствия Столыпинской реформы. Маршрут этого путешествия, продолжавшегося с 29 июля по 2 октября: Москва – Екатеринбург – Тюмень – Омск – Павлодар – Каркаралинск – Тюмень – Москва. В Дневнике самого протяженного пришвинского путешествия по Сибири – от Уральских гор до Тихого океана (8 июля – 8 ноября 1931 г.) нет новых, по сравнению с зимней поездкой в Свердловск, впечатлений от Урала, размышления о нем – часть размышлений писателя об индустриальном освоении Сибири.

И с биографической, и с художественной точки зрения Урал и Сибирь в сознании Пришвина неразрывно связаны. Так, готовясь к поездке в Свердловск, он записывает в Дневнике 21 января 1931 г.: «собираемся выехать 23-го в Сибирь, билеты взяты». Вернувшись из поездки, фиксирует впечатления: «Восточный склон Урала падает в Сибирь, без предгорий» [Пришвин 2006, 322, 329]. Очевидно, что уральский текст Пришвина является частью его сибирского текста, структурированного маршрутами его сибирских путешествий (Дневники 1905–1954 гг.; «Кашеева цепь», 1922–1928, 1954; «Черный араб», 1910; «Заворошка», 1913; «Архары», 1921; «Жень-шень», 1933; «Золотой Рог», 1934) [Дворцова 2019].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что уральский текст Пришвина при всей его включенности в текст сибирский – явление самостоятельное, характеризующееся особой функцией, тематикой и мотивами. Доминантами уральского текста писателя являются «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск (Сибирский дневник)» (1909) и Дневники 1931 г. В текст этот входят также художественные произведения, возникшие на основе Дневников: «Заворошка» (часть «Новые места»), «Кашеева цепь» (звено

«Золотые горы») и «Золотой Рог» (очерк «Урал» из части второй «Соболь»).

Образ Урала в «Сибирском дневнике» 1909 г. с его поэтикой остановленных мгновений, в целом характерной для Дневников Пришвина, рождается на пересечении четырех лейтмотивов: 1) уральский пейзаж; 2) камни и стук колес поезда; 3) столб на границе Европы и Азии; 4) Адам и Ева в поисках земли обетованной / переселенцы.

По мере движения поезда Пришвин фиксирует в дневнике прежде всего то, «как пейзаж изменяется», для него это главный маркер пространства: «Пейзаж московской губернии: рожь поспела, овсы зеленые»; «После Тулы наш пейзаж: земля почерней, тяжелей»; «Уфимская губерния: поля огромные и далекие, края синих гор, <...> земля опять светлая» [Пришвин 2007, 471, 472, 474].

Уральский пейзаж, в отличие от предшествующих, сложно структурирован и протяжен во времени: писатель всматривается в игру его вертикалей и горизонталей: «Тучи задевают горы, курятся вершины. Урал – старые горы, невысокие. Долины зеленые со стогами сена, опираются то на березу, то на сосну <...> птица-хищник сидит под копной. Долины: тут будут пахать. Поезд в проломинке гор, свистит в них» [Пришвин 2007, 474].

Чередование гор и долин привлекает писателя больше всего: «Урал, подъезжая к долине: озеро... молодая еловая гора, а за ними в тумане уходящие горы». Это чередование рождает особое уральское – искривленное пространство, оно петляет, змеится: «змеится поезд. Петля. Другой поезд. Дымок где-то в петле от поезда затерялся и тает» [Пришвин 2007, 475–476]. Эта особенность уральского пространства особенно заметна на фоне степного «необъятного пространства» Сибири.

Важнейшая примета уральского пейзажа в «Сибирском дневнике» – камни («Камни и камни, в камнях высечена дорога, там и тут высечено») и, конечно, «искатели драгоценных камней». С камнями связана важная звуковая деталь: «Как стучат колеса в горах!»; «Как гремит поезд в горах!» [Пришвин 2007, 474–476].

Ключевой мотив в уральском пейзаже Пришвина – столб на границе Европы и Азии. «Сейчас будет столб Европа и Азия», – пишет Пришвин в ожидании, а затем, когда он остался позади, как констатация уникальности уральского пространства, появляется запись: «Европа и Азия в столбе» [Пришвин 2007, 475, 477].

Пришвин ищет образ, метафору для того, чтобы выразить свои впечатления от Урала как особого пограничного пространства: «Урал ровный, цвет хлеба и сосен <...> серый, холодом веет, весь Урал как одна густая бровь старика... Весь Урал как белый дымок паровоза, тающий на синеве лесов... однотонный» [Пришвин 2007, 476–477]. «Весь Урал, как седая бровь старика», – повторит он в «Заворошке» [Пришвин 1982, 698].

Итогом поиска становится, очевидно, образ Урала как ворот на границе Азии и Европы: «Азия – колыбель человеческого рода, и Урал – ворота, в которые вышли все народы Европы» [Пришвин 1982b, 114]. Здесь важен

особый пришвинский взгляд, связанный со сменой привычных приоритетов: не из Европы в Азию, а, наоборот, из Азии, куда русский человек шел в поисках Беловодья, Золотых гор или свободной земли и откуда, не найдя их, возвращался в свою Европу, точнее, все в ту же Россию.

Пришвин критически оценивает ход и результаты Столыпинской реформы, ибо сталкивается с парадоксом: на огромных сибирских пространствах крестьяне-переселенцы не находят ни земли, ни воли, ни счастливой жизни и вынуждены возвращаться из Сибири домой. Вместе с тем Пришвин различает государственную колонизацию Сибири, то есть то, что он называет осударевой дорогой, и противостоящую ей народную дорогу русской истории, связанную с ничем не искоренимой русской мечтой «попытать счастья на новых местах» [Пришвин 1995, 24]. Исходя из этого различия, он будет оценивать строительство Уралмаша в Свердловске.

Урал и «новое дело» большевиков

Впечатления от поездки на Урал в 1931 г. Пришвин фиксирует в Дневнике, очерке «Урал», написанном на его основе, и в фотолетописи путешествия. Важным представляется тот факт, что в Дневнике 1931 г. собственно дневника путешествия в Свердловск с 23 января по 23 февраля в традиционной для Пришвина форме ежедневных записей – нет: 21 января он пишет о сборах в Сибирь, а вновь возвращается к таким записям только 1 марта [Пришвин 2006, 222–223, 331]. Между этими днями с пометкой «Без даты» – заметки Пришвина о героях (мальчик Кир, заблудившийся в лесу; его отец старообрядец Ульян Беспалов), сюжете, месте действия (деревня Самоцветы на Урале) произведения, превратившегося в конце концов в очерк «Урал».

Факт отсутствия дневника путешествия Пришвина в Свердловск можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, общим впечатлением писателя от увиденного, о котором одиннадцатого марта он пишет: «Я так оглушен окаянной жизнью Свердловска, что потерял способность отдавать себе в виденном отчет, правда, ведь и не с чем сравнить этот ужас, чтобы сознавать виденное. Только вот теперь, когда увидел в лесу, как растут на елках сосульки, вернулось ко мне понимание возможности обыкновенных и всем доступных радостей жизни и вместе с тем открылась перспектива на ужасный Урал» [Пришвин 2006, 340]. Кроме того, фотолетопись путешествия выглядит убедительнее слов, и Пришвину нужно было отправиться в четырехмесячное путешествие через всю Сибирь на Дальний Восток по следам русских первопроходцев XVI–XIX вв., чтобы начать понимать смысл происходящей на его глазах индустриализации страны.

Образ Урала в Дневнике и очерке «Урал» выстраивается на пересечении двух тем: «уральская тайга в контрасте с заводами» и «два полюса всей русской истории: раскол и Октябрь» [Пришвин 1983, 458], разорванное сознание русского человека, который никак не может определиться с

царствами земным и небесным.

В Урале 1931 г. Пришвин узнает знакомый ему по 1909 г. край: старые, низкие горы, лесные дебри, камни и озера, звери. Урал для Пришвина – это «волшебное место» обитания медведей. «Берега огромного большинства бесчисленных озер до сих пор еще необитаемы и часто можно видеть, как медведь, поев в лесу чего-то возбуждающего сильную жажду, долго лакает у берега и в тихую погоду далеко пускает круги», – пишет Пришвин [Пришвин 2006, 325]. В очерке «Урал» история с медведями получает продолжение: «Видели, как Мишка вышел из леса на песчаную кручу, очень высокую, и вдруг она от его тяжести подалась и он, беспомощный, поехал вместе с песком и бултыхнулся в воду. Умный зверь не полез обратно на песок, а поплыл на другую сторону озера и взобрался по крутому берегу, оставляя на долгие годы на вязкой глине отпечатки своих лап, известно, очень похожих на отпечатки следа гигантского человека» [Пришвин 1983, 456].

Как и в 1909 г., важная примета жизни Урала для Пришвина – камни, в которых, по словам писателя, застыла «сама неповторимая вечность». В Дневнике 1931 г. под заголовком «Цветные камни» он создает нечто вроде энциклопедии уральских камней на фоне камней Индии, Бразилии, Перу, Китая, Персии и Египта. Урал, с его точки зрения, знаменит «топазами, каких на свете нет – синие топазы». Урал – это также небесно-голубая бирюза, малиновые шерлы, фианиты, александриты, буро-красный венис, аквамарин, аметист, дымчатый кварц [Пришвин 2006, 329–331].

Камни для Пришвина – проявление «плутонических сил земли», превративших их в «кладовые света, а значит и нашей вечной радости». Пришвин также называет камни «кладовыми радостями», а о своем будущем герое он пишет: «...на Урале семилетний мальчик Кир из деревни Кедровый Починок с восточного склона Среднего Урала свою страсть к поискам камней получил <...> прямо как бы из рук самого бога Плутона» [Пришвин 2006, 330]. Можно утверждать в связи с этим, что истоки самого известного образа Пришвина как детского писателя – кладовая солнца – связаны и с Уралом.

По замыслу Пришвина, зафиксированному в Дневнике 1931 г., местом действия в его произведении об Урале должна была стать «Деревня на камне, которым жили долго» – деревня Самоцветы, где «хлеб родился <...> и пепельницы делали», но пришли новые люди и началось возведение Уралмашстроя, «гигантского завода-втуза» [Пришвин 2006, 323–325].

Заводы – не города и села, а именно заводы – еще одна, с точки зрения Пришвина, важная примета уральской жизни: «весь Средний Урал усеян такими заводами, разделенными иногда настоящими дебрями лесов и болот». Объясняя, что по-уральски означает слово «завод», он пишет: это не только «тысяч десять домиков, а то и больше, конечно, несколько церквей и трубы завода», «здесь, на Урале, завод понимается как-то вместе с жителями или даже, вернее, самый завод именно и есть люди, живущие здесь вот для этого огромного здания с трубами» [Пришвин 1983, 455].

Заводы как традиционная форма жизни людей на Урале, «где заводы обслуживались крепостными и каторжниками», Пришвину не понравились: «люди тут, как икра для магазина, не для себя, а для Завода» [Пришвин 2006, 324–325].

Отношение Пришвина к Уралмашстрою при всей его очевидной критической оценке нельзя назвать однозначным.

О том, что Пришвин увидел в Свердловске, он рассказывает при помощи много раз повторенных эпитетов «огромный» и «гигантский»: «площадь гигантской стройки <...> электричество, новейшие английские машины и всевозможные курсы для рабочих» [Пришвин 1983, 457]; «огромное место строительства... гигантский завод»; «Уралмашстрой, этот гигантский завод-втуз, где десятки тысяч людей создают новую жизнь». Здесь малограмотный рабочий учится и, уделяя учебе «в день два часа времени, должен сделаться инженером», а «техническое образование будет сопровождаться «припуском» общей культуры человечества» [Пришвин 2006, 325, 334–336].

«Весь идеализм собрался на строительстве заводов», – записывает Пришвин в Дневнике [Пришвин 2006, 338]. Важным представляется тот факт, что в строителях Уралмаша он узнавал себя времени своей марксистской юности: «Иногда на Машинстрое я заражался этой психологией (что новая жизнь началась) <...> и в Машинстрое мне было как бы возвращение к юности, когда верилось, что усилием воли можно все переменить» [Пришвин 2006, 356].

Вместе с тем эта гигантская невиданная стройка, с точки зрения Пришвина, ведется за счет уничтожения леса и природы как таковой, отказа от прошлой и даже настоящей жизни, наконец, отказа от Бога во имя человека, а от человека ради машины.

Новая жизнь, которую создают на Урале десятки тысяч людей, рождается за счет уничтожения жизни старой, то есть, собственно, просто жизни: «Теперь от леса на месте постройки остались там и тут лишь жалкие клочки... Рабочий поселок теперь уже – это целая улица каменных многоэтажных домов. И ни одного деревца второпях не оставили на утеху будущего нового человека. До того неудержимо вперед стремится новый человек, что в этом чрезвычайном усердии беспощаден к прошлому, к лесу». Более того, пишет Пришвин, «это стремление вперед так огромно, что будущее становится реальней настоящего» [Пришвин 2006, 325, 333].

На Урале Пришвин открывает для себя новые акценты в важнейшей для него теме человека и машины: в гигантских стройках социализма машины становятся важнее людей, а люди фактически приравниваются к автоматам. «Мы видели каких-то совершенно железных людей», – запишет он в Дневнике, подчеркивая при этом, что они «даже и совсем Богу не молятся». Опыт фотографирования людей и машин на Уралмаше заставляет его признать: «На машины в иллюстр. журналах смотреть невозможно, потому что их изображают бессмысленно-фотографически и рабочих представляют условно, тоже каких-то автоматов, а не живых людей. Подходят

к человеку от машины, фетишируют. Надо, напротив, все внимание обратить на человека, на его внутренний мир и оттуда подойти к машине» [Пришвин 2006, 326, 333, 345].

Пытаясь понять «новое дело» людей на Урале, Пришвин сравнивает его с тем «делом», которое ему хорошо знакомо по жизни в его родном купеческом городе Ельце, где «деловые» люди отличались особым «нравственным кодексом», а их биографии были «как бы житиями святых, направленных в сторону земного стяжания». В этом контексте он вынужден признать: «новое дело» совершенно отрицает старое «дело». «Ближе всего это не-дело к войне, потому что, во-первых, как на войне тут действуют массы», – пишет Пришвин, подчеркивая, что старое «дело» относилось прежде всего к личному поведению «делового» человека. С точки зрения Пришвина, возможна только одна война: «война за человека, вместо войны с человеками» [Пришвин 2006, 328, 331–333].

Суть происходящего на Уралмаше Пришвин пытается понять через историю задуманного им героя Ульяна Беспалова, предки которого, раскольники и старообрядцы, бежали на Урал при Петре, царе-Антихристе, «когда на них обрушились жестокие гонения за веру» [Пришвин 2006, 326]. На Уралмаш, где он, как и другие крестьяне, живет в землянке, его привели «неурожай, разорение, крайняя нужда». Но именно такие, как он, кержаки, «потихоньку между собой приравнивают Уралмашстрой к Вавилонской башне» [Пришвин 1983, 457].

В «тройных трубах мартеновской печи и гигантских кранах» Уралмаша Вавилонскую башню видят не только герои очерка «Урал», но и автор, обнаруживший в «окаянной жизни Свердловска» совмещение «двух полюсов всей русской истории: раскола и Октября» и понявший «новое дело» большевиков как продолжение дела Петра. Вопрос о будущем: чем закончится грандиозное строительство? – рефреном звучит и в очерке, и в Дневнике: «А может быть, и выстроят?» [Пришвин 1983, 458]; «А может быть, и достроят?» [Пришвин 2006, 335]. В сущности, этот вопрос, остающийся без ответа, – главный итог путешествия Пришвина на Урал в 1931 г.

Уралмаш будет введен в эксплуатацию в 1933 г.; в этом же году Пришвин отправится на Беломорканал, строящийся по следам осударевой дороги царя Петра, которую он открыл для себя еще во времена своей первой поездки в Выговский край в 1906 г. Над романом «Осударева дорога» по материалам этой поездки на очередную великую стройку социализма Пришвин будет работать до конца жизни, но так и не закончит его, и он будет опубликован уже после смерти писателя, до сих пор вызывая ожесточенные споры.

Ответ на вопрос о смысле «нового дела» русского человека Пришвин продолжает искать во время путешествия через всю Сибирь на Дальний Восток с 8 июля по 8 ноября 1931 г. [Дворцова 2019]. Важнейшей темой дневника этого путешествия станет тема контраста и противостояния двух миров: природной жизни Сибири и индустриальной идеи большевиков. «Из всего, что я видел и слышал в Сибири по пути на Дальний Восток,

больше всего мое внимание остановил контраст двух миров, Сибири как страны лесов, рыбы, диких зверей, первобытного человека и Сибири новой, индустриальной», – пишет Пришвин [Пришвин 2006, 565]. Выхода из противостояния этих двух миров он не видит: «Что только не придумывалось для постройки моста, соединяющего в одно свое стремление к мирному творческому труду и современное строительство, какими только не соблазняешься скрепами, – нет! как ни бейся, рано или поздно вся постройка разламывается, и становится невозможным делом соединить пот труда и кровь» [Пришвин 2006, 568].

Итоговым событием, завершающим осмысление Пришвиным «нового дела» большевиков в 1931 г. станет взрыв в Москве 5 декабря храма Христа Спасителя, на месте которого планировалось возведение Дворца Советов. Пришвин пишет о птицах, обитателях крыши бывшего храма, реющих в высоте над грудой камней, там, где был крест: «“Куда сесть?” – думают птицы даже, но как же не мучиться бескрылому человеку, у которого из-под ног вырвали все ему дорогое... Впрочем, я это по старинке о птицах и о людях. Новая Москва равнодушна к разрушению храма» [Пришвин 2006, 588]. В сущности, это переживание трагедии, свершающейся у человека на глазах, в каком бы месте страны она ни происходила: в Москве, в Сибири, на Урале.

Подводя итоги, следует сказать, что уральский текст Пришвина, структурирующийся логикой его путешествий (1889, 1909, 1931 (23 января – 23 февраля; 8 июля – 8 ноября) является частью его сибирского текста, но вместе с тем характеризуется особой динамикой, мотивами и смыслами. Путешествия 1889 г. и 1909 г. были для Пришвина изучением (в судьбе переселенцев) и испытанием русской мечты «попытать счастья на новых местах», результатом чего станет его открытие Урала как особого природного и геокультурного пространства.

Во время поездки в Свердловск на строительство Уралмаша в 1931 г. Пришвин увидит Урал как противостояние двух миров и пространств: богатейшей природной жизни и социалистического строительства, «нового дела» большевиков, в основе которого – уничтожение природы, прошлого и настоящего во имя будущего, отказ от Бога и от человека во имя нового железного человека-автомата, человека-машины. «Новое дело» большевиков и «окаянную жизнь Свердловска» Пришвин поймет как строительство Вавилонской башни, и вся новая жизнь в стране в 1931 г. будет воспринята им как трагедия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
2. Борисова Н.В. Жизнь мифа в творчестве М.М. Пришвина. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. 282 с.
3. Варламов А.Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2003. 848 с.

4. Визгин В.П. Пришвин и философия. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 240 с.
5. Воспоминания о Михаиле Пришвине. М.: Советский писатель, 1991. 368 с.
6. Головнев А.В. Антропология путешествия: от imago mundi до selfie // Уральский исторический вестник. 2016. № 2. С. 6–16.
7. Дворцова Н.П. Сибирский сюжет в судьбе и творчестве М.М. Пришвина // Новый филологический вестник. 2019. № 1(48). С. 166–177.
8. Замятин Д.Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 336 с.
9. Кнорре Е.Ю. Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М.М. Пришвина 1900–1930-х гг.: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. Москва, 2019. 31 с.
10. Лишова Н.И. Феномен странствия в творчестве М.М. Пришвина. М.: Флинта, 2021. 152 с.
11. Логвиненко С.В. Роман Михаила Пришвина «Осударева дорога». Философия пространства. М.: Флинта, 2021. 152 с.
12. (a) Пришвин М.М. Заворошка // Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1982. С. 636–794.
13. (b) Пришвин М.М. Кащеева цепь // Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1982. С. 5–482.
14. Пришвин М.М. Золотой Рог // Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1983. С. 428–580.
15. Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. М.: Московский рабочий, 1994. 383 с.
16. Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922. М.: Московский рабочий, 1995. 334 с.
17. Пришвин М.М. Дневники. 1928–1929. М.: Русская книга, 2004. 544 с.
18. Пришвин М.М. Дневники. 1930–1931. СПб.: Росток, 2006. 704 с.
19. Пришвин М.М. Ранний дневник. 1905–1913. СПб.: Росток, 2007. 800 с.
20. Пришвин М.М. Дневники. 1946–1947. М.: Новый хронограф, 2013. 968 с.
21. Пришвин М.М. Дневники. 1950–1951. СПб.: Росток, 2016. 736 с.
22. Пришвин М.М. Дневники. 1952–1954. СПб.: Росток, 2017. 832 с.
23. Пахомова М.Ф. Пришвин и Карелия: критический очерк. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1960. 71 с.
24. Пришвина В.Д. Путь к Слову. М.: Молодая гвардия, 1984. 262 с.
25. Рязанова Л.А. Благодарности // Пришвин М.М. Дневники. 1952–1954. СПб.: Росток, 2017. С. 3–4.
26. Сид И.О. Геопозтика. Пунктир к теории путешествий. СПб.: Алетейя, 2017. 430 с.
27. Трубицина Н.А. Геопозтика Крыма в творчестве Михаила Пришвина // Культура и текст. 2019. № 3(38). С. 87–97.
28. Тюменский период в жизни Михаила Пришвина // Город-Т. URL: <https://gorod-t.info/culture/istoriya/530/> (дата обращения: 30.05.2022).
29. Худенко Е.А. Киргизская степь в путевых записках и очерках М.М. Пришвина: имагология и поэтика // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 2. С. 107–118.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Golovnev A.V. Antropologiya puteshestviya: ot imago mundi do selfie [Travel Anthropology: From Imago Mundi to Selfie]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2016, no. 2, pp. 6–16. (In Russian).
2. Dvortsova N.P. Sibirskiy syuzhet v sud'be i tvorchestve M.M. Prishvina [The Siberian Plot in M.M. Prishvin's Fate and Literary Legacy]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2019, no. 1(48), pp. 166–177. (In Russian).
3. Khudenko E.A. Kirgizskaya step' v putevykh zapiskakh i ocherkakh M.M. Prishvina: imagologiya i poetika [The Kyrgyz Steppe' in the Travel Notes and Essays by M.M. Prishvin: Imagology and Poetics]. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 107–118. (In Russian).
4. Trubitsina N.A. Geopoetika Kryma v tvorchestve Mikhaila Prishvina [Geopoetics of Crimea in the Mikhail Prishvin's Work]. *Kul'tura i tekst*, 2019, no. 3(48), pp. 87–97. (In Russian).

(Monographs)

5. Abashev V.V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm' as a Text. Perm' in the Russian Culture and Literature of the XX Century]. Perm', Perm University Publ., 2000. 404 p. (In Russian).
6. Borisova N.V. *Zhizn' mifa v tvorchestve M.M. Prishvina* [The Life of a Myth in the M.M. Prishvin's Work]. Yelets, Bunin Yelets State University Publ., 2001. 282 p. (In Russian).
7. Lishova N.A. *Fenomen stranstviya v tvorchestve M.M. Prishvina* [The Phenomenon of Wandering in the M.M. Prishvin's Work]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 152 p. (In Russian).
8. Logvinenko S.V. *Roman Mikhaila Prishvina "Osudareva doroga". Filosofiya prostranstva* [Mikhail Prishvin's Novel "The Sovereign's Road". Philosophy of Space]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 152 p. (In Russian).
9. Pakhomova M.F. *Prishvin i Kareliya: kriticheskiy ocherk* [Prishvin and Karelia: The Critical Essay]. Petrozavodsk, Karelian ASSR Publ., 1960. 71 p. (In Russian).
10. Prishvina V.D. *Put' k Slovu* [The Way to the Word]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1984. 262 p. (In Russian).
11. Sid I.O. *Geopoetika. Puntkir k teorii puteshestviy* [Geopoetics. The Dotted Line towards the Theory of Travel]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2017. 430 p. (In Russian).
12. Varlamov A.N. *Prishvin M.* [Prishvin M.]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2003. 848 p. (In Russian).
13. Vizgin V.P. *Prishvin i filosofiya* [Prishvin and Philosophy]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 240 p. (In Russian).
14. Zamyatin D.N. *Gumanitarnaya geografiya. Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography. The Space and Language of Geographical Images]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 336 p. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

15. Knorre E.Yu. *Syuzhet "puti v Nevidimyy grad" v tvorchestve M.M. Prishvina 1900–1930-kh gg.* [The Plot of the "Path to the Invisible City" in the M.M. Prishvin's works 1900–1930s]. PhD Thesis Abstract. Moscow, 2019. 31 p. (In Russian).

Дворцова Наталья Петровна, Тюменский государственный университет.

Доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры журналистики.

Научные интересы: русская литература XX в.; книжная культура XVIII–XXI вв.

E-mail: n.p.dvorcova@utmn.ru

ORCID ID: 0000-0001-5586-0575

Natal'ya P. Dvortsova, Tyumen State University.

Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Journalism. Research interests: Russian literature of the 20th century; book culture of the 18th – 21st centuries.

E-mail: n.p.dvorcova@utmn.ru

ORCID ID: 0000-0001-5586-0575

